

Андрей ГРОЗИН

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГОСЕКТОРА РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ Часть 2: Узбекистан, Туркмения

Дата поступления в редакцию: 20.05.2021.

Для цитирования: Грозин А. В., 2021. Состояние, проблемы и риски развития энергосектора республик Центральной Азии. Часть 2: Узбекистан, Туркмения. – Геоэкономика энергетики. № 3 (15). С. 6–30. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_6

В цикле статей* автор анализирует внутри- и внешнеполитические тенденции последнего времени, существенно влияющие на текущее состояние и перспективы дальнейшего развития топливно-энергетических секторов Казахстана, Узбекистана и Туркмении — государств Центральной Азии, обладающих значительными запасами углеводородного сырья. Данная статья посвящена текущей ситуации в ТЭК Республики Узбекистан и Республики Туркмения.

Разворачивающийся процесс обострения геополитической и геоэкономической конкуренции на мировой арене существенно повышает уровень рисков, актуализирует прежние и генерирует новые проблемы экономического развития центральноазиатских республик. Автор оценивает влияние этих процессов на перспективы внешнеполитических и внешнеэкономических стратегий развития и общерегиональную стабильность. Отдельно автор рассматривает и оценивает основные проблемы, существующие в ТЭК республик, указаны перспективные направления их возможного разрешения и смягчения.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Россия, Китай, Турция, США, энергетика, газ, нефть, месторождения.

* Продолжение исследования, опубликованного в предыдущем номере (Прим. ред.).

В условиях мировой геополитической турбулентности регион, сталкивающийся с многочисленными вызовами и угрозами экономической и социально-политической стабильности, оказывается в ситуации чрезмерной зависимости от глобальных игроков на мировом геоэкономическом поле. Следовательно, такой регион будет вынужден корректировать ранее сложившиеся модели экономического развития и внешнеполитического позиционирования.

Узбекистан

Республика Узбекистан (РУз) при первом президенте, И. Каримове, следуя курсу фактического нейтралитета и самоизоляции, свела к минимуму участие Ташкента в международных объединениях, оставшись лишь в тех, которые не влияют на политику страны (СНГ, ШОС и т. п.).

После смены власти в 2016 г. и прихода на пост президента Ш. Мирзиёева, который с 2003 г. занимал пост главы правительства Узбекистана, произошли существенные изменения во внутренней и внешней политике Ташкента. Во внешней политике новый президент провозгласил отказ от конфронтационной модели поведения в отношении соседей по региону и продолжил политику многовекторности в отношениях с Китаем, США, Россией, Турцией, странами ЕС и др.

В стране была запущена масштабная реформа, ориентированная на перестройку экономической стратегии. Она предполагает переориентацию с экономической автаркии на большую экономическую и финансовую либерализацию и ориентацию на масштабный рост количественных и качественных параметров узбекского экспорта. Как отмечал Ш. Мирзиёев в послании Олий Мажлису (парламенту) в 2018 г., «мы поставили цель в будущем году увеличить объем экспорта на 30 % и довести его до 18 млрд долл. Для этого мы должны перейти на экспортно ориентированную экономику, сформировать на внутреннем рынке конкурентную среду».

В 2018 г., как следует из информации Госкомстата РУз, золото и энергоносители «вытянули» экспорт страны, благодаря чему был значительно улучшен торговый баланс республики. Экспорт золота превысил 2,9 млрд долл., энергоносителей — 2,6 млрд долл., почти 40 % общереспубликанского экспорта [Новиков, 2019].

В последнее время ряд центральноазиатских экспертов всё чаще озвучивают прогнозы о том, что в ближайшие годы Узбекистан превратится в наиболее динамично развивающееся государство Центральной Азии. Значимым событием 2020 г. стало присоединение РУз к ЕАЭС (пока в статусе страны-наблюдателя) и заявление властей страны о намерении вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В случае успеха реформ Ш. Мирзиёева у Узбекистана с его демографическим, оборонным и экономическим потенциалом имеются шансы в пер-

спективе превратиться в реального регионального лидера, «уравновешивающего», а по ряду параметров — и превосходящего Казахстан.

Как указывает авторитетный узбекистанский эксперт, директор Центра исследовательских инициатив *Máno* Б. Эргашев, «наш центр провёл независимый анализ. Согласно ему, если Узбекистан с 2023 г. выйдет на показатель ежегодного роста ВВП хотя бы на 6–6,2 %, то в течение максимум восьми лет в стране произойдёт удвоение внутреннего валового продукта. А это в среднем 3,5 тыс. долл. на душу населения. С такими же темпами к 2035 г. можно добиться нового удвоения ВВП, что составит как минимум 7–7,5 тыс. долл. на одного человека. И тогда мы будем жить уже в другой стране, с гораздо более развитой экономикой и обществом в целом» [Умарова, 2021].

В то же время, несмотря на то что экономика Узбекистана является второй по величине (после казахстанской) в Центральной Азии, в республике существуют серьёзные проблемы, решить которые с опорой на собственные ресурсы затруднительно: потребность в новых рынках, инвестициях и технологиях, демографические диспропорции, снижение образовательного уровня и нехватка квалифицированных кадров в государственном управлении и производстве. Население Узбекистана ежегодно увеличивается на более чем полмиллиона человек: численность родившихся в РУз в 2020 г. составила 734,1 тыс. человек, коэффициент рождаемости на 1000 человек — 24,6 (для сравнения: в Казахстане в прошлом году родилось 425,6 тыс. человек, коэффициент рождаемости — 22,4)¹. В стране давно сложился хронический дефицит рабочих мест. Проблема частично решалась за счёт экспорта излишков трудовых ресурсов. До начала пандемии коронавируса по числу постоянно находящихся на территории Российской Федерации трудовых мигрантов Узбекистан оставался многолетним региональным лидером — от 2 до 2,5 млн человек.

При этом, по данным Госкомстата Узбекистана, население республики на 1 января 2021 г. составило 34 695 553 человек². Население страны преимущественно «молодое» (граждане до 30 лет составляют более 18 млн человек, это почти 55 % всего населения РУз), что позволяет прогнозировать дальнейший рост демографических и социальных проблем в кратко- и среднесрочной перспективе.

Основными проблемными зонами топливно-энергетического комплекса экономики Узбекистана остаются взаимосвязанные проблемы: сокращение

¹ Узбекистан оказался более подготовленным к пандемии, чем Казахстан. Кроме того, в соседней республике коэффициент смертности ниже, а коэффициент рождаемости — выше, чем в РК // https://forbes.kz/process/uzbekistan_okazalsya_bolee_podgotovlennym_k_pandemii_chem_kazahstan/, дата обращения 15.04.2021.

² Узбекистан в цифрах (по состоянию на январь–декабрь 2020 г.) // <https://stat.uz/ru>, дата обращения 15.04.2021.

ресурсной базы и вопросы производства электроэнергии и снабжения ею потребителей. Динамика всех лет суверенного существования страны демонстрирует постепенное ухудшение ситуации в этом секторе узбекской экономики.

Общие доказанные запасы природного газа в Узбекистане составляют 1,1 трлн куб. м, 65,8 % общего объёма доказанных запасов страны сосредоточено в Бухаро-Хивинском нефтегазоносном регионе (БХНГР) [Шоймуратов, 2017: 9], являющемся одним из важнейших нефтегазоносных регионов мира. По мнению многих исследователей, вопрос объёма его невыявленного углеводородного потенциала (УВП) остаётся актуальным до настоящего времени. Именно в БХНГР открыты крупные месторождения (Зеварды, Кокдумалак, Газли и др.). Из открытых запасов РУз 57,7 % принадлежат АО «Узбекнефтегаз», а 42,3 % — иностранным компаниям. Добываемый в Узбекистане газ характеризуется высоким содержанием серы (2,5–2,7 %) и требует переработки.

При этом текущий уровень газодобычи в Узбекистане несопоставим с УВП страны. Добыча с 1991 по 2008 год выросла с 41,9 до 68,3 млрд куб. м, затем начала стабильно снижаться. В последние годы газодобыча в стране постоянно оказывается ниже устанавливаемых планов: в 2015 г. было добыто 57,7 млрд куб. м, в 2017 г. — 56,5 млрд куб. м. В 2018 г. данный показатель (при планах в 66 млрд куб. м) был зафиксирован на отметке 59,8 млрд куб. м (экспорт газа при этом вырос почти на 75 % и составил в стоимостном выражении 2,4 млрд долл.). По данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан, падение в 2019 г. по сравнению с 2018 г. составило более 1,5 % (в натуральном выражении — почти один миллиард кубометров). В 2019 г. экспорт по сравнению с 2018 г. планировалось увеличить на 15 %, но, очевидно, эти планы остались невыполненными. В 2020 г. падение добычи продолжилось: за I квартал 2020 г. газа было добыто на 7,8 % меньше, чем за аналогичный период 2019 г.

Ещё более серьёзно сужение сырьевой базы проявляет себя в нефтедобыче Узбекистана.

После получения независимости Ташкент взял курс на форсированную нефтедобычу и строительство нефтяной независимости (параллельно с продовольственной, энергетической и пр.). Началась разработка мелких месторождений (в первую очередь в БХР), которые в СССР были отнесены к категории нерентабельных. К 1997 г. за счёт выявления новых месторождений, в том числе и с залежами нефти (нефтегазоконденсатное месторождение Кокдумалак), республика нарастила добычу жидких углеводородов (УВ) до 7,7 млн т [Абдуллаев, Богданов..., 2019]. С 1991 по 1998 г. объёмы добычи жидких УВ в стране утроились (добыча нефти и конденсата выросла с 2,8 млн до 8,2 млн т).

Доказанные запасы нефти в стране составляют около 530 млн т, газоконденсата — 480 млн т, они сконцентрированы в более чем 200 нефтяных,

нефтегазовых и нефтегазоконденсатных месторождениях. Основной объём нефтедобычи Узбекистана обеспечивается разработкой месторождений БХНГР. Наибольшие объёмы нефти и газового конденсата — суммарно около 350 тыс. т в год — производят совместные предприятия «Гиссарнефтегаз» и «Кокдумалак-Газ» (СП АО «Узбекнефтегаз» и ПАО «Газпром»).

С 2002 г. объёмы добычи нефти начали падать, и в 2005 г. Узбекистан возобновил импорт сырой нефти в значительных объёмах и на регулярной основе. По оценкам *British Petroleum*, в 2015 г. нефтедобыча в РУз не превышала 3 млн т. В 2017 г. она составила всего 806 тыс. т, а в 2018 г. — 746,4 тыс. т.

Производимого сырья не хватает на обеспечение внутренних потребностей РУз. Обвал в нефтедобыче привёл к тому, что загрузка нефтеперерабатывающих заводов республики (общая мощность которых составляет около 11 млн т) не достигает и 50 %. Тем не менее республика увеличивает выпуск нефтепродуктов, а дефицит нефти приходится компенсировать за счёт импорта жидких УВ из России, Казахстана и др.³.

Общее «проседание» добычи узбекистанских УВ последних лет связано с прогрессирующим истощением запасов в разрабатываемых месторождениях. Министерство энергетики РУз постоянно говорит о необходимости экономии газа домохозяйствами и МСБ.

Очевидно, Узбекистану придётся пересмотреть и откорректировать ранее принятый курс на наращивание экспорта газа за рубеж (основными направлениями экспорта газа Узбекистана являются РФ и КНР). В январе 2020 г. премьер-министр Узбекистана А. Арипов уже заявил, что к 2025 г. страна примет меры к прекращению экспорта нефтегазового сырья и расширит переработку внутри республики.

До пандемии *COVID-19* Ташкент заявлял намерения к 2020 г. довести ежегодный объём поставок газа только в КНР до 10 млрд куб. м. По данным АО «Узбекнефтегаз» от 2019 г., Россия остаётся вторым крупным импортёром природного газа из Узбекистана. Поставки в 2020 г., по планам, должны были составить 1 млрд куб. м, они используются для обеспечения пикового (максимального) газопотребления на Южном Урале и частично в Поволжье [Чичкин, 2020].

Поскольку Узбекистан окончательно стал нетто-импортёром нефти и нефтепродуктов, снижающиеся цены на УВ выгодны Ташкенту и создают благоприятную среду для либерализации внутренних цен, но всякий повышающийся ценовой тренд, сбои логистики и т. п. ведут к обратным результатам. В итоге значительные нефтеперерабатывающие мощности страны не могут наладить сколь-нибудь долгосрочную, ритмичную работу.

³ Узбекистан хочет закупать до 5 млн т нефти у Казахстана и России // <https://uz.sputniknews.ru/economy/20190220/10867332/Uzbekistan-khochet-zakupat-do-5-mln-tonn-nefti-u-Kazakhstana-i-Rossii.html>, дата обращения 15.04.2021.

Данная динамичная ситуация сказывается и на развитии узбекистанской нефтепереработки: параллельно с модернизацией и переоснащением Ферганского и Бухарского НПЗ (предприятие получило самый современный тип установки гидроочистки газойля) и запуском производства дизельного топлива экологических категорий Евро-4 и Евро-5⁴ можно наблюдать приостановку на неопределённый срок строительства нефтеперерабатывающего комплекса в Джизакской области, начатого в апреле 2017 г. Джизакский НПЗ планировалось сдать в эксплуатацию к 2021 г., реализация проекта, возводимого в Зафарабадском районе РУз, оценивалась в 2,2 млрд долл. Ожидалось, что завод будет ежегодно перерабатывать 5 млн т нефти и производить нефтепродукты высокого качества⁵.

Ещё до мировой пандемии в Узбекистане был взят курс на решение проблемы дефицита сырья как через импорт нефтепродуктов и жидких УВ, так и путём поиска новых запасов. С этой целью «Узбекнефтегаз» активно приглашает в свои проекты геологоразведочных работ (ГРП) иностранные компании. Судя по высказываниям министра энергетики республики А. Султanova, ситуация с организацией ГРП оставляет желать много лучшего.

В интервью министр рассказал, что за последние 30–35 лет «Узбекнефтегаз» пытались обанкротить, ежегодно утверждая баланс с падающей добычей газа. По его словам, «революционные решения» по проблемам были приняты только в «новейшей истории» республики. Глава Минэнерго процитировал президента Мирзиёева и заявил, что «нефтегазовая сфера — это очень прибыльный бизнес где угодно, но только не в Узбекистане». Также Султанов указал, что в ГРП в стране не вкладывались деньги: «Это то же самое, что строить здание без фундамента. Геологоразведка — это основа основ. Геологоразведка — это та отрасль в нефтегазовой промышленности, от которой ожидается отдача в течение в лучшем случае 7 лет, а то и 10 лет. Это база, это фундамент всей добычи и разработки. А туда деньги не вкладывали. Это нормальная практика, когда геологоразведкой занимается государство, что сейчас наш президент и сделал. Он передал геологоразведку Госкомгеологии, то есть это прерогатива государства».

По его словам, теперь государство определяет перспективные территории и затем передаёт операторам на конкурсной основе или иных условиях⁶.

«Узбекнефтегаз» также старается нарастить добычу на старых углеводородных месторождениях, бурит новые скважины и устанавливает дополнительное оборудование. При этом в Узбекистане имеет место высо-

⁴ Бухарский НПЗ зафиксировал самый высокий показатель за 23-летнюю историю // <https://uzdaily.uz/ru/post/58321>, дата обращения 15.04.2021.

⁵ Строительство Джизакского НПЗ приостановлено // <https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/15/dnpz/>, дата обращения 15.04.2021.

⁶ «Всё делалось для того, чтобы обанкротить „Узбекнефтегаз“» — Алишер Султанов // <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/30/uzbekneftegaz/>, дата обращения 15.04.2021.

кая изношенность инфраструктуры топливно-энергетического сектора экономики. Доля магистральных газопроводов и газораспределительных сетей возрастом от 20 лет и выше и подлежащих реконструкции в 2019 г. составила 73,7 %. При этом доля газопроводов, нуждающихся в срочном ремонте, составила в 2019 г. 14,2 %. Изношенность инфраструктуры ведёт к значительным эксплуатационным потерям. Доля газораспределительных станций (ГРС) возрастом от 20 лет и более составила накануне пандемии коронавируса 51,5 %, в срочном ремонте нуждалось 24,2 % [Ниязматов, 2019].

Отдельной проблемой, затрудняющей модернизацию узбекской экономики, становится в последнее время резкий рост внешней задолженности республики: из материалов Министерства финансов РУз следует, что объём совокупного государственного долга страны возрос с 9,5 млрд в 2016 г. до 23,3 млрд долл. (или 40,4 % от валового внутреннего продукта) к 1 января 2021 г., в течение одного 2019 г. увеличившись на 40,9 %. При этом 21,1 млрд долл. — государственный внешний долг, за последние два года он увеличился в два раза.

По данным Минфина, 17,5 % государственного внешнего долга (3,7 млрд долл.) было использовано на поддержку госбюджета, 2,9 млрд (13,7 %) направлено в сферу электроэнергетики, 2,6 млрд долл. (12,4 %) — в сферу энергетики (нефть и газ), 2,4 млрд долл. — на транспорт и соответствующую инфраструктуру, 2,3 млрд долл. — в ЖКХ, 2,2 млрд долл. — в сельское хозяйство [Волосевич, 2021].

Прогрессирующее снижение добычи нефти, а в последние годы — и газа негативно влияет на общий энергетический баланс Узбекистана. В силу того что 85 % электричества в республике производится на тепловых электростанциях, работающих на природном газе и угле (15 % — на ГЭС), снижение добычи природного газа при текущем балансе производства и потребления ведёт к снижению производства электроэнергии и сбоям системы электроснабжения по стране. Очевидно, что по мере реформирования и развития экономики РУз будет расти и её энергоёмкость.

С 2009 по 2018 г. общий объём экспорта энергоресурсов в стране увеличился более чем на 10 %, а его потребление внутри страны — на 8–8,5 % ежегодно [Смирнов, 2019: 2]. При этом на обеспечение внутреннего рынка уходит большая часть добываемого в РУз газа — около 50 млрд куб. м.

В Узбекистане принята программа по газосбережению и предпринимаются шаги по постепенной замене газа на внутреннем рынке местным углём (почти треть населения РУз в зимний период уже обогревается дровами и углём). Министерством энергетики принята программа развития электроэнергетической отрасли, подразумевающая строительство новых мощностей электрогенерации. На основании концепции до 2030 г. предполагается построить новые типы электростанций с более энергоэффективными парогазовыми установками, возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ), мини- и микроГЭС. Только по программе перехода к зелёной экономике Минэнерго Узбекистана

анонсирует «создание современных солнечных и ветровых электростанций суммарной мощностью 6,7 ГВт» [Абдукадиров, 2020].

Основным же активом, способным улучшить энергобаланс страны, обозначена будущая атомная электростанция (АЭС), которую построит в Узбекистане в течение текущего десятилетия «Росатом». Как ожидают в Минэнерго РУз, АЭС даст порядка 8–10 % в энергобаланс страны. Частичное замещение тепловой генерации атомной, по оценкам Ташкента, позволит высвободить 3,7 млрд куб. м природного газа⁷.

Частые отключения электроэнергии и отсутствие постоянного доступа к природному топливу остаются повседневной реальностью для значительного числа узбекистанцев. В РУз сохраняются серьёзные проблемы и с централизованным газоснабжением. Причины диспропорций различны — от экономии сырья для его последующего экспорта до серьёзной изношенности оборудования и инфраструктуры. В холодный период года узбекистанцы испытывают существенный дефицит газа, что в последний раз остро проявилось зимой 2020–2021 гг. Объём добычи газа резко сократился, в результате вышли из строя различные энергогенерирующие предприятия, в т. ч. парогенераторы, замёрзли сотни насосов, обеспечивающих циркуляцию, вышли из строя повышающие давление газовые компрессоры и т. д. [Громов, 2021]. Ситуация вызвала протесты населения, которое начало действовать радикально, перекрывая дороги и призывая к ответственности хокимов (губернаторов).

Кризис стал причиной ряда экстренных решений и озвученного главой страны намерения в 2021 г. разработать дорожную карту по формированию оптового рынка для производителей и импортёров путём внедрения рыночных механизмов в области поставок электроэнергии и природного газа. Министрству энергетики поручено обеспечить разработку дорожной карты и на первом этапе (с 1 августа 2021 г.) предусмотреть, чтобы крупные предприятия получили право покупать электроэнергию и природный газ на основе импорта. Как на практике будет работать эта система, пока неясно.

Ранее согласно постановлению президента Ш. Мирзиёева в системе управления отраслью уже заявлялось сокращение излишних промежуточных звеньев, в энергетических госкомпаниях произошла оптимизация с разделением потенциально конкурентных (сбыт газа, продукции нефтепереработки, электроэнергии частным операторам) и монопольных (добыча, генерация, транспортировка через магистральные сети, система диспетчерского управления) сфер деятельности [Ниязматов, 2019]. Это, впрочем, очевидно не повлияло на рост кризисных явлений в энергетике Узбекистана зимой 2019–2020 и 2020–2021 годов.

⁷ В Узбекистане назначен глава Дирекции строительства атомной электростанции // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/v-uzbekistane-naznachen-glava-direksii-stroitelstva-atomnoy-elektrostantsii/>, дата обращения 15.04.2021.

Существующее положение чревато серьёзными проблемами: рост недовольства населения не только усиливает недовольство властями, но и способен в условиях Узбекистана, перегруженного социальными и демографическими проблемами, по типу сценариев т. н. «арабской весны» быстро перерасти в акции массового неповиновения и гражданских беспорядков [Эпштейн, 2021].

Туркмения

Туркмения остаётся одним из наиболее закрытых государств мира, и информация о социально-экономическом развитии страны (в частности, состоянии топливно-энергетического комплекса) фрагментарна и часто не поддаётся верификации. Точных данных по туркменской экономике, вероятно, не существует вообще, любая официальная статистика, представляемая Ашхабадом, ненадёжна. В последнее время эти сомнения начали выражать и мировые финансовые институты. Например, Международный валютный фонд (МВФ) в своём докладе «Перспективы роста мировой экономики», посвящённом текущей ситуации в глобальной экономике и прогнозам на ближайшие годы в условиях пандемии, не стал использовать данные, представленные Ашхабадом. МВФ считает, что в 2020 г. рост ВВП в Туркмении составил 0,8 %. Туркменское же правительство на совещании 12 февраля 2021 г., посвящённом итогам 2020 г., объявило о росте ВВП на 5,9 %⁸, хотя весь прошедший год уровень жизни населения в стране продолжал ухудшаться.

Возможности любого внешнего влияния на Туркмению остаются минимальными: и при первом президенте С. Ниязове, и при сменившем его в декабре 2006 г. Г. Бердымухамедове власти страны активно и целенаправленно проводят политику недопущения возможности любого воздействия извне на внутрисполитическую ситуацию.

Туркмения, безусловно, обладает значительными запасами УВ (в первую очередь — природным газом). По самой оптимистичной и повсеместно критикуемой за ангажированность оценке английской консалтинговой компании *Gaffney, Cline & Associates (GCA)*, общий объём запасов газа на трёх крупнейших месторождениях Туркмении — Галкыныш, Яшлар и Гаракейль — составляет 27,4 трлн куб. м. В 2011 г. менеджер по развитию *GCA* Джим Джиллетт утверждал, что «запасов газа в Туркмении более чем достаточно для любого потенциального спроса в обозримом будущем, в том числе из Китая, России, Ирана или Европы» [Дубровин, 2018]. Несмотря на громадный разброс в оценках запасов, власти республики поверили в самую оптимистичную цифру, умножили её на два и поставили себе задачу до 2030 г. довести ежегодную добычу до 250 млрд куб. м и отправлять на экспорт 180 млрд куб. м природного газа.

⁸ МВФ перестал использовать официальную статистику Туркменистана // <https://rus.azathabar.com/a/31198216.html>, дата обращения 15.04.2021.

В итоге в мировых деловых кругах укрепилось мнение о том, что запасы Иолотаня (и всей Туркмении) существенно ниже заявленных. После этого власти республики окончательно и полностью засекретили статистику по топливно-энергетическому сектору страны, но продолжают заявлять о «неисчерпаемых» запасах туркменских УВ. По официальным данным, на территории страны открыто уже более 190 нефтяных и газовых месторождений, а запасы углеводородов глубоководных месторождений на Каспии только по нефти составляют до 12 млрд т.

С указанного периода о газовых запасах Туркмении достоверно ничего не известно, а их оценки варьируются в широком диапазоне от 50 трлн куб. м газа (на прошедшем в мае 2017 г. Международном газовом конгрессе тогдашний глава госконцерна (ГК) «Туркменгаз» М. Арчаев указал данные цифры и «вывел» страну по этому показателю на первое место в мире [Смирнов, 2019: 1]) до 19,5 трлн куб. м (оценка *British Petroleum (BP)* на конец 2017 г.). ОПЕК приводил в «доковидном» 2019 г. ещё более консервативные цифры, оценивая доказанные запасы газа республики в 9,87 трлн куб. м. Указанные экспертные оценки весьма далеки от туркменских. Разброс в оценке запасов порождает ещё большее недоверие к туркменской статистике и сказывается на инвестиционной привлекательности нефтегазовой сферы страны.

При этом бесспорным фактом является то, что Туркмения обладает крупными, стратегически значимыми газовыми ресурсами. Даже если верны оценки *BP*, республика находится на четвёртом месте в мире после России, Ирана и Катара по объёмам своих газовых запасов.

Поскольку ключевой отраслью туркменской экономики был и остаётся топливно-энергетический комплекс и добыча углеводородов, общемировое снижение цен на энергоносители привело к существенному снижению темпов экономического роста страны.

Экономика республики основывается на нескольких базовых ресурсных отраслях: нефте- и газодобывающих производствах, транспортной инфраструктуре по организации транзита и транспортировки минеральных энергоресурсов, хлопководстве. За период с 1991 по 2019 г., в соответствии с официальной статистикой, наблюдался поступательный рост промышленного сектора за счёт добывающей промышленности. Он составил около 50 %, переработки и транспортировки энергоресурсов — до 30 % от всего объёма ВВП, а сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственного сырья — до 10 %.

Доходы государственного бюджета республики, сформированные из экспортной выручки топливно-энергетического сектора, составляли до 65 % в 2008 г., в 2015 г. после кризисного спада спроса на мировом энергетическом рынке возник устойчивый дефицит государственного бюджета.

Из-за существенного сокращения валютных поступлений от продажи природного газа руководство страны вынуждено было в 2018—2020 гг. неоднократно оптимизировать бюджет, снижая его доходную и расходную ча-

сти. Ещё в 2015 г. были утверждены госпрограммы по увеличению объёмов экспортной продукции и организации производств импортозамещающих товаров. Эти меры должны были смягчить проблему отрицательного сальдо торгового баланса. Очевидно, меры, принятые в рамках обозначенных программ в 2018–2019 гг., дали некоторые положительные результаты: согласно официальным данным, Ашхабад смог сократить дефицит торгового баланса. Для достижения подобных результатов потребовалось снизить объёмы импорта, в том числе продовольственных товаров. В сочетании с другими факторами это привело к хроническому прогрессирующему росту стоимости ТНП (включая продукты питания) и повышению инфляционного фона.

В Туркмении уже ряд лет существует два курса валюты — официальный, установленный Центробанком, и курс чёрного рынка. Центральный банк Туркменистана удерживает официальный курс валюты на уровне 3,5 маната за 1 долл. На чёрном рынке стоимость американской валюты постоянно растёт. В ноябре 2020 г. курс на чёрном рынке составлял около 23 манатов за 1 долл. С тех пор он начал расти и к апрелю 2021 г. достиг отметки 38–40 манатов за 1 долл.^{9, 10}.

Туркменская власть до настоящего времени официально продолжает заявлять об отсутствии в республике коронавируса. При этом множество источников (западные СМИ в первую очередь) указывают на то, что на территории Туркмении вирус появился как минимум с конца весны 2020 г. В стране зафиксировано множество случаев смертей и заболеваний с симптоматикой коронавируса, число которых продолжает расти.

По мнению большинства экспертов, изучающих экономическое и финансовое положение Туркмении, Ашхабад испытывает острую потребность в валютных ресурсах для преодоления нарастающего социального кризиса, грозящего устойчивости государственной системы¹¹. Неизвестно, хватит ли финансовых резервов и запаса прочности у экономики страны на долговременное поддержание минимально приемлемого уровня жизни населения — надёжных данных об этом нет, достоверность официальной туркменской статистики вызывает сомнения.

Не полностью ясна ситуация с задолженностью Туркмении перед внешними кредиторами. До самого последнего времени туркменские власти,

⁹ Туркмения. Рост курса доллара привёл к росту цен в частных магазинах и к дефициту в государственных // <https://www.hronikatm.com/2021/04/grocery-lines-and-deficit/>, дата обращения 15.04.2021.

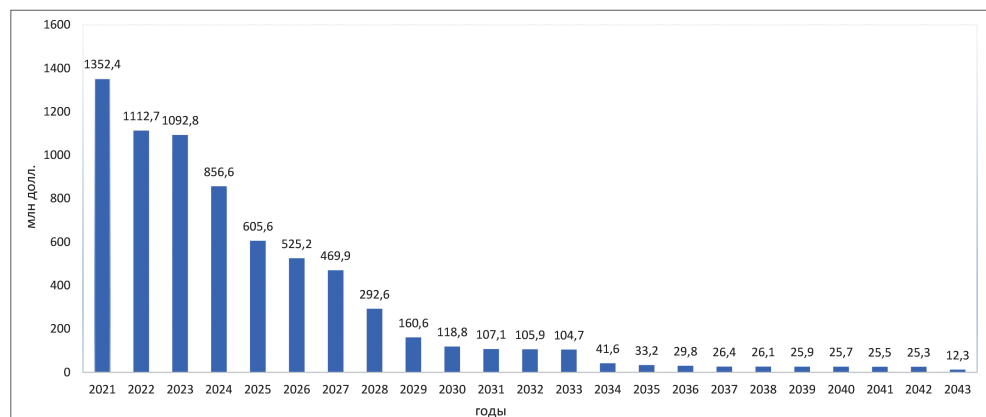
¹⁰ Туркмения едва сводит концы с концами. Некомпетентное управление экономикой становится все сложнее скрывать // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-едва-сводит-концы-с-концами>, дата обращения 15.04.2021.

¹¹ Власти Туркмении опасаются народных волнений. ОМОН готовят к разгону возможных уличных протестов // <https://knews.kg/2020/09/11/vlasti-turkmenistana-opasayutsya-narodnyh-volnenij-omon-gotovyat-k-razgonu-vozmozhnyh-ulichnyh-protestov/>, дата обращения 15.04.2021.

отрицая негативные процессы в экономике, не давали никакой информации о внешних долгах республики. Данные по задолженности перед КНР имеют очень большой разброс по цифрам, называемым экспертами (официальные цифры до последнего времени никогда не оглашались). Заметным событием в этой связи стало состоявшееся 11 марта 2021 г. заседание кабинета министров республики, на котором президент Г. Бердымухамедов заявил об опасениях в связи с долгами страны. По его словам, за последние годы на развитие топливно-энергетического комплекса были привлечены кредиты в размере более 8,8 млрд долл. Г. Бердымухамедов подчеркнул, что приоритетной задачей было увеличение прибыли от добычи природного газа за счёт его переработки и производства побочных продуктов. Наиболее значимым проектом в рамках задачи развития переработки стал открытый в июне 2019 г. завод по производству ГСМ и сжиженного газа из природного газа (проект обошёлся в 1,7 млрд долл.). Стоит отметить, что нефте- и газохимическую переработку Ашхабад развивает с участием не китайских, а японских и южнокорейских инвесторов.

По словам председателя газового монополиста Туркмении, концерна «Туркменгаз», Б. Аманова, внешние долги ГК будут оплачиваться за счёт прибыли от реализации произведённой на предприятии продукции.

О графике погашения долгов не упоминалось ни в одном изданном в Туркмении информационном бюллетене или материале СМИ,



Сумма иностранных займов, подлежащих выплате, млн долл.¹²

¹² Туркмения по уши в долгах. И президент Бердымухамедов предпринял беспрецедентный шаг — признался в этом // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-по-уши-в-долгах>, дата обращения 15.04.2021.

но на телеканале *Altyn Asyr* («Золотой век») во время вечернего выпуска новостей 11 марта 2021 г. на две секунды отобразилась таблица с официальными данными. На приведённом графике видно, что в 2021 г. Туркмения должна выплатить 1,35 млрд, а в 2022 и 2023 годах — по 1,1 млрд долл. (рис.).

Благодаря другому мелькнувшему на экране ТВ графику стало известно, что наибольшая доля платежей Ашхабада по обязательствам 2021 г. (895 млн долл.) приходится на топливно-энергетический комплекс.

Правозащитные западные структуры уже почти десятилетие говорят о том, что в Туркмении имеются тенденции, приведшие ранее к событиям на Ближнем Востоке (т. н. «арабской весне»): богатые запасы УВ, немногочисленная, герметичная и несменяемая элита и бедное население, существующие в параллельных мирах, чиновничья коррупция, уровень которой *Transparency International* неоднократно характеризовала как один из худших на планете [Дубнов, 2011].

Весной 2020 г. в регионах уже отмечались акции массового гражданского недовольства из-за нехватки продуктов. Впрочем, несмотря на явное ухудшение всех социально-экономических параметров в последние три года, пока политическая система Туркмении сохраняет устойчивость, власть и силовые структуры сохраняют контроль, а население аполитично. Ясно, что в случае продолжения стагнирования туркменской экономики можно ожидать роста социального недовольства населения и риски для крупных энергетических проектов в стране возрастут.

Причиной проблем в туркменской экономике, кроме падения мировых цен на энергоресурсы и потери крупных покупателей энергосырья (Россия, Иран), является низкий квалификационный уровень туркменского правящего класса и отсутствие реальных попыток модернизировать национальную экономику и сделать её более привлекательной для иностранных инвесторов.

Многолетние попытки диверсификации, предпринимаемые Г. Бердымухамедовым, привели лишь к замене России в качестве основного покупателя туркменского природного газа на Китай, что, несмотря на многомиллиардные инвестиции КНР, так и не исправило состояние туркменской экономики.

Очевидно, главной проблемой туркменского ТЭК остаётся сложившаяся ситуация монополии экспортёра: основным покупателем природного газа и кредитором Туркмении остаётся Китай. Эта ситуация, как представляется:

- а) тяготит Ашхабад, много лет стремящийся диверсифицировать поставки своих УВ на мировой рынок;
- б) сохранится как минимум в кратко- и среднесрочной перспективе.

Как ранее писал казахстанский синолог Руслан Изимов, «Туркмения, так же как и граничащие с Китаем другие страны Центральной Азии (ЦА),

стала ощущать на себе мощное китайское влияние. Учитывая это, туркменские власти принимают меры по диверсификации путей и списка покупателей своих энергоресурсов. В частности, рассматриваются различные варианты экспорта туркменского газа в Европу и Южную Азию. Однако принимаемые меры пока не дают должных результатов, а доля Китая в стратегической отрасли туркменской экономики продолжает расти» [Изимов, 2016].

Пекин остаётся крупнейшим покупателем газа, значительная часть доходов от сделок с которым возвращается КНР в счёт возмещения ранее выданных Ашхабаду инфраструктурных кредитов. Значительную часть остальных доходов от экспорта УВ туркменское руководство тратит не на модернизацию экономики, а на различные малополезные, но ресурсоёмкие проекты.

В обстоятельствах нарастающего дефицита финансовых средств для Туркмении важно найти дополнительные источники финансовых поступлений в бюджет. Одной из немногих позитивных новостей для туркменской экономики последних лет стало начало поставок туркменского газа «Газпрому» весной 2019 г. по временному соглашению, которое создало условия для подписания нового контракта на закупку туркменского газа до 2024 г. общим объёмом 5,5 млрд куб. м. В итоге уже в 2020 г. товарооборот между Россией и Туркменией увеличился почти на 40 % по сравнению с 2019 г.¹³. Возобновление газовых поставок направлено на формирование дополнительного запаса в портфеле «Газпрома», а Туркмении позволяет снизить зависимость от покупателя-монополиста (КНР) и получить поступления в бюджет от экспорта, что несколько снижает риски коллапса действующей экономической модели Туркмении. Очевидно, восстановление Россией прежних объёмов закупок природного газа в Туркмении маловероятно, хотя и очень желательно для туркменской стороны: ПАО «Газпром» является фактически единственным из крупных заказчиков, оплачивающих туркменский газ непосредственно «живыми» деньгами.

В случае же экспорта в Китай и Иран Туркмения долгое время не получала финансовой отдачи. Подавляющая часть экспортируемого в Китай газа списывалась в счёт внешних долговых обязательств Туркмении перед КНР. Суммарный объем природного газа, закупленного Китаем у Туркмении, по состоянию на октябрь 2019 г. составил 252,1 млрд куб. м [Рафиков, 2021]. В течение 2019 г. Ашхабад поставил в КНР 33,2 млрд куб. м природного газа.

¹³ Туркмения и Россия нарастили товарооборот почти на 40 % // <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/31/turkmeniya-i-rossiya-narastili-tovarooborot-pochti-na-40>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмению в Пекине часто называют важнейшим партнёром Китая в сфере газового сотрудничества. На это ещё в 2014 г. в интервью информационному агентству «Синьхуа» указал заместитель генерального директора китайской нефтегазовой акционерной компании *PetroChina* Люй Гунсюнь. По его словам, в соответствии с соглашением, подписанным председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Туркменистан в 2013 г., годовой объём газа, поставляемого Туркменией в Китай, увеличится с 40 млрд куб. м до 65 млрд куб. м в 2021 году. Этого, однако, не случилось, строительство четвертой ветки (*D*) так и не началось до настоящего времени. Более того, в начале 2020 г. из-за пандемии была существенно ограничена экономическая деятельность в Китае. Вследствие этого упало промышленное производство и экспорт товаров из КНР, снизился транзит китайских товаров в Европу через центральноазиатские страны. Китай также сократил объёмы импорта газа. При этом, согласно данным китайской таможни за март, когда поставки уже сократились, Туркмения только в течение одного этого месяца экспортировала в КНР товаров (естественно, по большей части газа) на 550 млн долл.¹⁴ Даже с учётом непогашенных долгов это значительная сумма, свидетельствующая о том, что проблемы Туркмении связаны в большей мере не с нехваткой доходов, а с неумелым руководством и неверно расставленными приоритетами экономического развития.

Власти Ирана постепенно снижали свою зависимость от туркменского газа путём газификации северных регионов страны. Так же как и китайские ТНК, Тегеран не стремился расплачиваться за туркменские УВ твёрдой валютой, и в 2017 г. долг Ирана за туркменский газ превысил сумму 2 млрд долл., после чего Туркмения прекратила поставки. Несмотря на то что в 2020 г. Международный арбитражный суд обязал Тегеран оплатить газ, погашение долга может затянуться на долгие годы¹⁵ (если вообще состоится).

Экономика Туркмении находится в кризисе, и Ашхабад стремится использовать любой новый источник дохода, который может найти. Вполне объяснимым является желание Туркмении диверсифицировать свои экспортные рынки и безотлагательно начать масштабную добычу и экспорт газа до того, как сжимающийся мировой рынок сделает туркменские УВ малоперспективными.

Проект Транскаспийского трубопровода (ТКГП), несмотря на его политическое лоббирование со стороны ЕС, по-прежнему остаётся по большей части мифическим проектом, сходным с *Nabucco*, как из-за его непривлекательности для Азербайджана, так и из-за несогласия с ним Ирана, России

¹⁴ Туркмения: на горизонте ещё более трудные времена // <https://russian.eurasianet.org/turkmenistan-na-gorizonte-eshe-bolee-trudnye-vremena>, дата обращения 14.05.2020

¹⁵ О перспективах положения на газовом рынке и будущем экономики Туркмении // <https://platon.asia/central/tumannoye-budushcheye-turkmenistana>, дата обращения 15.04.2021.

и монополиста — экспортёра туркменского газа Китая. В случае осуществления данного проекта Туркмения могла бы сначала поставлять газ по дну Каспийского моря в Азербайджан, а затем подключиться к Трансанатолийскому газопроводу (*TANAP*) и Трансадриатическому газопроводу (*TAP*) и экспортировать газ в европейские страны.

В этом плане мало что меняют подписание Конвенции о правовом статусе Каспия и заключение 21 января 2021 г. министром иностранных дел Туркмении Р. Мередовым и его азербайджанским коллегой Д. Байрамовым межправительственного меморандума о взаимопонимании между правительствами двух стран по совместной разведке и разработке нефтяного месторождения Достлук на Каспии. «Достлук» — новое название углеводородного месторождения в Каспийском море, недалеко от границы между Азербайджаном и Туркменией. Это нефтяное месторождение ранее называлось Кяпаз (в Азербайджане) и Сердар (в Туркмении). Точные запасы УВ Достлук неизвестны. Предварительно они оцениваются как небольшие — 50—100 млн т нефти и 30 млрд куб. м газа.

В пункте 2 статьи 14 конвенции говорится о том, что стороны могут прокладывать трубопроводы «при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закреплённым в международных договорах, участницами которых они являются» [Шустов, 2019]. Иранский парламент до настоящего времени не ратифицировал конвенцию. Нерешёнными остаются проблемы экологического плана. Придётся отдельно выяснять экологические стандарты для масштабных проектов, что предполагает участие всех прикаспийских стран. Туркмения, Азербайджан и Иран так и не договорились о разграничении дна в южной части Каспийского моря, а значит, с маршрутом трубопровода могут возникнуть проблемы.

Попытки Ашхабада выйти из ситуации зависимости от одного главного покупателя объясняют активность туркменской власти в продвижении проекта газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия) суммарной стоимостью минимум 7,5 млрд долл.¹⁶ Несмотря на то что строительство ТАПИ долгое время откладывалось, в конце 2015 г. все участники официально подтвердили старт проекта. Ашхабад уже как минимум трижды заявлял о завершении строительства туркменского участка ТАПИ протяжённостью 214 км до туркмено-афганской границы.

Однако от этого основные препятствия строительства газопровода через Афганистан не потеряли значимости. Ашхабад пытается убедить партнёров по проекту форсировать строительство ТАПИ, но для прокладки соответствующих коммуникаций по сложной в техническом плане местности

¹⁶ CASA, TAPI и Один пояс: как Центральная Азия стала центром энергопроектов // <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20171120/1023939124/casa-tapi-i-odin-poyas-kak-centralnaya-aziya-stala-centrom-energooproektov.html>, дата обращения 15.04.2021.

и при отсутствии политической стабильности пока не находится требуемого объёма инвестиций. Одним из наиболее значимых факторов, тормозящих реализацию проекта, остаётся проблема безопасности маршрута.

Вне зависимости от различных экспертных объяснений замораживанию различных трубопроводных проектов в регионе ясно, что резкого увеличения объёма экспортируемого в Китай газа в кратко- и среднесрочной перспективе не будет. Это говорит также о том, что и увеличения объёмов добычи газа в Туркменистане в ближайшее время не ожидается.

Заключение

В связи со всеми вышеозначенными тенденциями можно сделать вывод о том, что риски для развития топливно-энергетических секторов экономик Казахстана, Узбекистана и Туркмении следует оценить как умеренно высокие. По степени влияния на внутривнутриполитическую ситуацию и внешнеполитическую стратегию стран ЦА они неравнозначны и взаимопереплетены.

Наиболее значимыми и обсуждаемыми в экспертной среде в настоящее время остаются в *первую очередь* политические риски. Элиты (и центральные, и региональные) ЦА очень уязвимы к внешнему давлению (некоторым исключением из этого правила отчасти является Туркмения). Например, если США активнее начнут давить через дипломатические ресурсы и правозащитный кейс на Ташкент и Нур-Султан, и казахской, и узбекской властям, даже помимо их желания, придётся демонстрировать некие попытки создавать какие-то трудности китайскому или российскому бизнесу и проектам КНР и РФ в ЦА.

Как представляется, США обязательно попытаются создать на территориях, важных для реализации инициативы «Один пояс — один путь», максимально возможные трудности для КНР. Регион ЦА как граничащий с Китаем при этом оказывается для стратегии Штатов не менее важным, чем, например, Южно-Китайское море в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во вторую очередь имеются риски сугубо экономического и технологического характера. К ним прежде всего относится общее ухудшение финансового положения центральноазиатских петростейтов. По мере ожидаемого многими экспертами ухудшения экономических показателей или их длительной стагнации ожидаемо будет наблюдаться усиление социального недовольства населения. Сокращение бизнес-активности также порождает диспропорции товарных потоков в регионе (в том числе и продуктов первой необходимости) и необходимость стимулировать в ЦА рост межстрановой конкуренции в борьбе за внешние ресурсы (инвестиции, технологии).

В третью — социальные риски. К ним можно отнести вероятный новый всплеск антикитайских и антироссийских настроений в регионе, прежде всего в Казахстане и Киргизии — странах с наиболее развитой и сильной системой прозападных НПО и НКО, а также традициями политического

активизма части населения. В среднесрочной перспективе, учитывая стремление Ташкента сохранить высокий уровень сотрудничества с США, можно прогнозировать появление публичной общественной антикитайской и антироссийской активности и в Узбекистане.

Кроме того, социальная стабильность подверглась серьёзной эрозии в течение карантинных мер 2020 г. и продолжающегося в связи с пандемией общемирового экономического спада.

Власти стран ЦА могут также пытаться через существующее, но скрываемое влияние на националистические круги населения своих стран попытаться добиться от Пекина и Москвы — ключевых внешних центров влияния на регион — различных преференций (списание долгов, льготные кредиты, инвестиции в рискованные и изначально убыточные энергетические и транспортные проекты и т. д.) под предлогом необходимости борьбы за сохранение стабильности.

В-четвёртых, сохраняются риски в сфере безопасности. Слабые национальные системы интеллектуальной и физической защиты критически важных производственных и транспортных объектов в странах ЦА — постоянно существующий фактор. Помимо реальных угроз существующей террористической активности, в случае иных враждебных действий (иностранных спецслужб, конкурентов и пр.) масштабные теракты на критически важной энергетической инфраструктуре несложно организовать в любой из стран региона. При этом ответственность всегда удобно «повесить» на исламских экстремистов и соседний Афганистан, остающийся долговременным фактором угроз региональной стабильности.

В целом продолжающийся глобальный кризис, связанный с пандемией и мировыми экономическими проблемами, дополняется также коллапсом международной системы безопасности, которая была выстроена после Второй мировой войны и обеспечивала экономическое развитие. Вслед за глобальной архитектурой безопасности будет разрушаться и существующая региональная архитектура безопасности. В этом контексте мировая экономика и экономическое развитие отдельных стран и регионов будут не только затормаживаться, но и давать различные сбои. Кризис в мире, и в том числе в Центральной Азии, будет нарастать, так как регион в значительной степени зависим от кредитов и технологий, инвестиций, сырьевых рынков, рынков труда и прочих глобальных игроков и доноров.

Поэтому ожидать какого-то заметного и устойчивого экономического роста в республиках ЦА неоправданно. Даже странам, располагающим значительной минерально-сырьевой базой, придётся сосредотачиваться прежде всего на вопросах выживания, а не экономического роста. Ключевым вопросом развития Центральной Азии в «постковидный» период должна быть политическая стабильность общественно-политических систем стран региона.

Список литературы

Шоймуратов Т., 2017. Гидрохимическая зональность подземных вод мезозойских отложений северо-восточной части Каракумской водонапорной системы (Бухаро-Хивинский нефтегазоносный регион) // SOCAR Proceedings. Oil and Gas Fields Exploration, Geology and Geophysics. № 3. С. 9–14.

Абдуллаев Г., Богданов А., Эйдельмант Н., 2019. Современное состояние и перспективы развития геологоразведочных работ на нефть и газ в Бухаро-Хивинском регионе Республики Узбекистан // Нефтегазовая геология. Теория и практика. № 2 // http://www.ngtp.ru/rub/2019/17_2019.html, дата обращения 15.04.2021.

Абдукадиров А., 2020. Узбекистан. Где газ? И другие вопросы министерству энергетики // <https://anhor.uz/ekonomu/23630>, дата обращения 15.04.2021.

Волосевич А., 2021. Власти Узбекистана фактически поддержали террористическое нападение на блогера // <http://www.asiaterra.info/obshchestvo/vlasti-uzbekistana-fakticheski-podderzhali-terroristicheskoe-napadenie-na-blogera-miraziza-bazarova>, дата обращения 15.04.2021.

Громов В., 2021. Узбекистан. Чьи интересы в энергетике // <https://anhor.uz/ekonomu/24015>, дата обращения 15.04.2021.

Дубнов А., 2011. Последний мираж несменяемости. Центральная Азия в ближневосточном антураже // <http://www.globalaffairs.ru/number/Poslednii-mirazh-nesmenyuemosti15184>, дата обращения 15.04.2021.

Дубровин И., 2018. Туркмения: газовый гигант или газовый протекторат Китая? // <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html>, дата обращения 15.04.2021.

Изимов Р., 2016. Китай и Туркмения: региональное измерение // <http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitajiturkmenistan-regionalnoe-izmerenie/>, дата обращения 15.04.2021.

Ниязматов Абу-Али, 2019. В Узбекистане осуществят ускоренную модернизацию энергетики // <https://regnum.ru/news/2688021.html>, дата обращения 15.04.2021.

Новиков В., 2019. Золото и энергоносители «вытянули» экспорт Узбекистана в 2018 году // <https://nuz.uz/ekonomikaifinansy/38189zolotoienergonositeli-vytyanuli-eksport-uzbekistana-v2018godu.html>, дата обращения 15.04.2021.

Рафиков К., 2021. Быть ли Соединённым Штатам Евразии? // <https://www.kommersant.ru/doc/4663087>, дата обращения 15.04.2021.

Смирнов С., 2019. «Пузырь» газового счастья Туркмении // <https://www.ritmeurasia.org/news20190321puzyr-gazovogo-schastja-turkmenii41705>, дата обращения 15.04.2021.

Смирнов С., 2019. Казахстан: разрыв в развитии регионов, увы, продолжает расти // <https://www.ritmeurasia.org/news20190806kazakhstan-razryvvrazvitiiregionov-uvy-prodolzhaet-rasti44182>, дата обращения 15.04.2021.

Умарова Н., 2021. Избирать или назначать: как в Узбекистане должна меняться система местной власти? // <https://cabar.asia/ru/izbirat-ili-naznachat-kakvuzbekistane-dolzha-menyatsya-sistema-mestnoj-vlasti>, дата обращения 15.04.2021.

Чичкин А., 2020. Экономическое взаимодействие РФ и Узбекистана — потенциальный диапазон безграничен // <https://www.ritleurasia.org/news20200331ekonomicheskoe-vzaimodejstvie-rfiruz-potencialnyj-diapazon-bezgranichen48215>, дата обращения 15.04.2021.

Шустов А., 2019. Насколько реальны шансы у Транскаспийского газопровода? // <http://www.ca-portal.ru/article:48246>, дата обращения 15.04.2021.

Эпштейн Д., 2021. Как остановить террористическую миграцию из стран Средней Азии // <https://www.ridus.ru/news/349572?preview=true&>, дата обращения 15.04.2021.

Узбекистан оказался более подготовленным к пандемии, чем Казахстан. Кроме того, в соседней республике коэффициент смертности ниже, а коэффициент рождаемости — выше, чем в РК // https://forbes.kz/process/uzbekistan_okazalsya_bolee_podgotovlennym_k_pandemii_chem_kazahstan/, дата обращения 15.04.2021.

Узбекистан в цифрах (по состоянию на январь—декабрь 2020 г.) // <https://stat.uz/ru>, дата обращения 15.04.2021.

Узбекистан хочет закупать до 5 млн т нефти у Казахстана и России // <https://uz.sputniknews.ru/economy/20190220/10867332/Uzbekistan-khochet-zakupat-do5mln-tonn-neftiuKazakhstanaiRossii.html>, дата обращения 15.04.2021.

Бухарский НПЗ зафиксировал самый высокий показатель за 23-летнюю историю // <https://uzdaily.uz/ru/post/58321>, дата обращения 15.04.2021.

Строительство Джизакского НПЗ приостановлено // <https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/15/dnpz/>, дата обращения 15.04.2021.

«Всё делалось для того, чтобы обанкротить „Узбекнефтегаз“» — Алишер Султанов // <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/30/uzbekneftegaz/>, дата обращения 15.04.2021.

В Узбекистане назначен глава Дирекции строительства атомной электростанции // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/v-uzbekistane-naznachen-glava-direksii-stroitelstva-atomnoy-elektrostantsii/>, дата обращения 15.04.2021.

МВФ перестал использовать официальную статистику Туркмении // <https://rus.azathabar.com/a/31198216.html>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмения. Рост курса доллара привёл к росту цен в частных магазинах и к дефициту в государственных // <https://www.hronikatm.com/2021/04/grocery-lines-and-deficit/>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмения едва сводит концы с концами. Некомпетентное управление экономикой становится все сложнее скрывать // <https://russian.eurasianet.org/turkmenistan-edva-svodit-koncy-s-koncami>, дата обращения 15.04.2021.

Власти Туркмении опасаются народных волнений. ОМОН готовят к разгону возможных уличных протестов // <https://knews.kg/2020/09/11/vlasti-turkmenistana-opasayutsya-narodnyh-volnenij-omon-gotovyatkrzgonu-vozmozhnyh-ulichnyh-protestov/>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмения по уши в долгах. И президент Бердымухамедов предпринял беспрецедентный шаг – признался в этом // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-по-уши-в-долгах>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмения и Россия нарастили товарооборот почти на 40 % // <https://easaily.com/ru/news/2021/03/31/turkmeniyairossiya-narastili-tovarooborot-pochti-na40>, дата обращения 15.04.2021.

Туркмения: на горизонте ещё более трудные времена // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-на-горизонте-еще-более-трудные-времена>, дата обращения 14.05.2020.

О перспективах положения на газовом рынке и будущем экономики Туркмении // <https://platon.asia/central/tumannoye-budushcheye-turkmenistana>, дата обращения 15.04.2021.

CASA, TAPI и Один пояс: как Центральная Азия стала центром энергопроектов // <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20171120/1023939124/casa-tapiiodin-poyas-kak-centralnaya-aziya-stala-centrom-energoproektov.html>, дата обращения 15.04.2021.

Andrey V. GROZIN,

Candidate of Historical Sciences, head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS countries, senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

STATE, PROBLEMS AND RISKS OF THE ENERGY SECTOR DEVELOPMENT IN THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS Part 2: Uzbekistan, Turkmenistan

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_6

Received: 20.05.2021.

For citation: *Grozin A. V., 2021. Current State, Problems and Risks of the Energy Sector Development in the Central Asian Republics. Part 2: Uzbekistan, Turkmenistan. – Geoeconomics of Energetics. № 3 (15). P. 6–30. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_6*

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Russia, China, Turkey, USA, energy, gas, oil, fields.

Abstract

In the series of articles, the author analyzes recent domestic and foreign policy trends that significantly affect the current state and prospects for further development of the fuel and energy sectors of Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan – the Central Asian states with significant reserves of hydrocarbons. This article is devoted to the current situation in the fuel and energy sector of the Republics of Uzbekistan and Turkmenistan.

The current process of aggravation of geopolitical and geo-economic competition on the world stage significantly increases the level of risks, updates the previous and generates new problems of the Central Asian republic economic development. The author assesses the impact of these processes on the prospects of foreign policy and foreign economic development strategies and regional stability. The author also considers and evaluates the main problems existing in the fuel and energy complex of the republic, and indicates promising areas for their possible resolution.

In the context of global geopolitical turbulence, the region, which faces numerous challenges and threats to economic and socio-political stability, finds itself in a situation of excessive dependence on global players in the geo-economic field. Consequently, such a region will have to adjust the previously established models of economic development and foreign policy.

References

Shoymuratov T., 2017. Hydrochemical zoning of underground waters of Mesozoic deposits of the north-eastern part of the Karakum water system (Bukhara-Khiva oil and gas region) SOCAR Proceedings. Oil and Gas Fields Exploration, Geology and Geophysics. No. 3. P. 9–14. (In Russ.)

Abdullaev G., Bogdanov A., Eidelnant N., 2019. The current state and prospects for the development of geological exploration for oil and gas in the Bukhara-Khiva region of the Republic of Uzbekistan. Theory and practice. Vol. 14. No. 2 // http://www.ngtp.ru/rub/2019/17_2019.html, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Abdukadirov A., 2020. Uzbekistan. Where's the gas? And other questions to the Ministry of Energy // <https://anhor.uz/economy/23630>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Volosevich A., 2021. The Uzbek authorities actually supported the terrorist attack on the blogger // <http://www.asiaterra.info/obshchestvo/vlasti-uzbekistana-fakticheski-podderzhali-terroristicheskoe-napadenie-na-blogera-miraziza-bazarova>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Gromov V., 2021. Uzbekistan. Whose interests in the energy sector // <https://anhor.uz/economy/24015>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Dubnov A., 2011. The last mirage of irremovability. Central Asia in the Middle East entourage // <http://www.globalaffairs.ru/number/Poslednii-mirazh-nesmenyaemosti-15184>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Dubrovin I., 2018. Turkmenistan: a gas giant or a gas protectorate of China? // <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Izimov R., 2016. China and Turkmenistan: regional dimension // <http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie/>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Niyazmatov Abu-Ali, 2019. Accelerated energy modernization to be implemented in Uzbekistan // <https://regnum.ru/news/2688021.html>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Novikov V., 2019. Gold and energy resources “pulled” Uzbekistan’s exports in 2018 // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/38189-zoloto-i-energonositeli-vytyanuli-eksport-uzbekistana-v-2018-godu.html>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Rafikov K., 2021. Should the United States have Eurasia? // <https://www.kommer-sant.ru/doc/4663087>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Smirnov S., 2019. «Bubble» of gas happiness of Turkmenistan // <https://www.ritmearasia.org/news-2019-03-21-puzyr-gazovogo-schastja-turkmenii-41705>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Smirnov S., 2019. Kazakhstan: the gap in the development of regions, alas, continues to grow // <https://www.ritmearasia.org/news-2019-08-06-kazahstan-razryv-v-razvitii-regionov-uvy-prodolzhaet-rasti-44182>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Umarova N., 2021. To elect or appoint: how should the system of local government change in Uzbekistan? // <https://cabar.asia/ru/izbirat-ili-naznachat-kak-v-uzbekistane-dolzha-menyatsya-sistema-mestnoj-vlasti>, accessed 15.04.2021.

Chichkin A., 2020. Economic cooperation between Russia and Uzbekistan – the potential range is limitless // <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-03-31-ekonomicheskoe-vzaimodejstvie-rf-i-ruz-potencialnyj-diapazon-bezgranichen-48215>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Shustov A., 2019. How real are the chances of the Trans-Caspian gas pipeline? // <http://www.ca-portal.ru/article:48246>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Epstein D., 2021. How to stop terrorist migration from Central Asian countries // <https://www.ridus.ru/news/349572?preview=true&>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Uzbekistan was more prepared for the pandemic than Kazakhstan. In addition, in the neighboring republic, the mortality rate is lower, and the birth rate is higher than in the Republic of Kazakhstan // https://forbes.kz/process/uzbekistan_okazalsya_bolee_podgotovlennym_k_pandemii_chem_kazahstan/, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Uzbekistan in numbers (January-December 2020) // <https://stat.uz/ru>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Uzbekistan wants to buy up to 5 million tons of oil from Kazakhstan and Russia // <https://uz.sputniknews.ru/economy/20190220/10867332/Uzbekistan-khochet-zakupat-do-5-mln-tonn-nefti-u-Kazakhstana-i-Rossii.html> 20.02.2019, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Bukhara Oil Refinery recorded the highest rate in its 23-year history // <https://uzdaiy.uz/ru/post/58321>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Construction of Jizzakh Oil Refinery suspended // <https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/15/dnpz/>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

«Everything was done to bankrupt Uzbekneftegaz» – Alisher Sultanov // <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/30/uzbekneftegaz/>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Head of Nuclear Power Plant Construction Directorate appointed in Uzbekistan // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/v-uzbekistane-naznacheni-glava-direktsii-stroitelstva-atomnoy-elektrostantsii/>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

The IMF stopped using official statistics of Turkmenistan // <https://rus.azathabar.com/a/31198216.html>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Turkmenistan. The rise in the dollar has led to higher prices in private stores and a shortage in public ones // <https://www.hronikatm.com/2021/04/grocery-lines-and-deficit/>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Turkmenistan is barely making ends meet Incompetent management of the economy is becoming increasingly difficult to hide // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-едва-сводит-концы-с-концами>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

The authorities of Turkmenistan are afraid of popular unrest. Riot police prepare to disperse possible street protests // <https://knews.kg/2020/09/11/vlasti-turkmenistana-opasayutsya-narodnyh-volnenij-omon-gotovyat-k-razgonu-vozmozhnyh-ulichnyh-protestov/>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Turkmenistan is deeply in debt. And President Berdimuhamedov took an unprecedented step—he admitted it // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-по-уши-в-долгах>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Turkmenistan and Russia increased trade turnover by almost 40 % // <https://easily.com/ru/news/2021/03/31/turkmeniya-i-rossiya-narastili-tovarooborot-pochti-na-40>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

Turkmenistan: even more difficult times are on the horizon // <https://russian.eurasianet.org/туркменистан-на-горизонте-еще-более-трудные-времена>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

On the prospects of the situation on the gas market and the future of the economy of Turkmenistan // <https://platon.asia/central/tumannoye-budushcheye-turkmenistana>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)

CASA, TAPI and One Belt: How Central Asia became the center of energy projects // <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20171120/1023939124/casa-tapi-i-odin-poyas-kak-centralnaya-aziya-stala-centrom-energoproektov.html>, accessed 15.04.2021. (In Russ.)